

*Сад – это проблески триумфов
на фоне череды потерь,
как, собственно, и наша жизнь.*

Мэй Сартон,
английская поэтесса

ПРОЛОГ

*Вторник, 5 апреля 1994 г.
г. Трентон, штат Нью-Джерси*

Конец безмятежной юности Оливии пришелся на осень 1940 года. В Европе вовсю разразилась война, да и на Тихом океане уже прорастали семена новых кровопролитий. В то время как ситуация в мире все глубже пускала корни в ее наивное восприятие реальности, Оливия отчаянно пыталась восстановить под собой прежнюю незыблемую почву, еще веря, что сможет, как и прежде, закладывать в нее зернышки новых мечтаний и надежд. Однако земля под ногами продолжала ходить ходуном и разрушаться, пока наконец Оливия о нее жестоко не запнулась, навсегда лишившись своих розовых очков.

Сейчас она сидела у больничной койки, держа бледную ладонь умирающей подруги. Голубые прожилки вен, густо исколотых медиками, исчертили ее маленькие руки, которые впервые за все годы их знакомства не сжимались в кулаки, словно норовя дать отпор. Ее

старая подруга, казалось, готова была тихо и в согласии уйти в лучший мир, как будто теперь для нее смерть была желанной гостьей.

Счастливчики все же те, с кем так обошелся возраст. Забрав с годами юность и энергию молодости, он в то же время сгладил отдельные разочарования, унял сожаления и, возможно, даже сменил каких-то демонов на ангелов.

Лицо ее подруги сделалось узким и худым, изрезанным глубокими морщинами. Некогда крепкое мускулистое тело ныне являло лишь кожу да кости. Прежде густые рыжевато-каштановые волосы сильно поредели и были теперь почти такими же белыми, как и сухое пергаментное лицо. Из капельницы ей в кровь медленно поступали болеутоляющие и седативные препараты. Тихонько попискивали над койкой мониторы. Шторки на окнах были плотно сдвинуты, чтобы свет с улицы не тревожил уставшие глаза. Из всех мест, где Оливия могла бы представить смерть своей подруги, это могло быть что угодно, но только не здешняя, полутемная, стерильная больничная палата так далеко от ее родного дома, оставшегося в отрогах лесистого Голубого хребта Аппалачских гор.

Оливия почти даже жалела, что, оказавшись сейчас здесь, быть может, с каждым мгновением все больше теряет хранившийся в ее памяти лик энергичной и сильной девушки, которая едва ли не на каждом повороте храбро бросала вызов жизни. Но как бы ни хотелось Оливии цепляться за былые образы своей давней подруги, которыми она так дорожила, и игнорировать разрушительные признаки губящего ее рака, она сознавала, что, бросив подругу сейчас, она понесет такое раскаяние, которое окажется уже не под силу ее старым плечам.

Прикрыв глаза, Оливия на некоторое время застыла у постели, пока не ощутила рядом на койке слабое шевеление. Подняв веки, она увидела, как на нее глядят не мигая слезящиеся, бледно-голубые глаза.

— Вы приехали. — Голос женщины прозвучал слабо, выдавая напряженное усилие.

Оливия улыбнулась, отказываясь уступать глубокой печали:

— Разумеется.

— А моя девочка тоже здесь?

— Да. Она меня и привезла. С моим зрением мне дальше нашего городка не выехать.

— Как моя дочурка? — спросила та, словно не слыша ее слов.

— Из нее выросла прекрасная женщина.

— Хорошо. — В палате повисло долгое молчание, прерываемое лишь тихим попискиванием монитора. — Спасибо, что заботитесь о ней.

— Ты для меня сделала ведь то же самое, разве не так? Ты позаботилась о моей внучке, когда ей это было так необходимо.

— Как она?

— Недавно произвела на свет второго ребенка.

Оливии вспомнился тот далекий акт безоглядной храбрости, что накрепко связал их полвека назад. Друг для друга они рисковали собой и всей своей жизнью и так много хранили общих секретов.

Редкие брови лежащей на койке женщины сдвинулись, словно бы насупясь.

— Только не уносите свою тайну в могилу, госпожа Оливия. Мы с вами обе знаем, это привяжет вашу душу к земле.

За долгие годы Оливия запрятала в себе столько тайн, что все они давно переплелись воедино. И теперь ей ка-

залось, что стоит потянуть за что-то одно — и наружу вывалится все разом. Признание, возможно, и облегчит ей душу, но, по мнению Оливии, от него будет мало пользы. Ее сокровенный секрет служил определенной цели, и коли уж сохранность этой тайны означала, что ее душа будет навеки привязана к земле, то, значит, так тому и быть.

ГЛАВА 1

СЭЙДИ

*Вторник, 15 марта 1943 г.
г. Блюстоун, штат Вирджиния
Отроги Голубого хребта*

Чтобы как следует прятаться, есть три хитрости. Первое: важно дышать как можно легче. Если делать это правильно, то ноздри подрагивают еле-еле и вдох делается мелким, как река Джеймс знойным, засушливым летом. Следующее: толковый кролик сумеет унять свое бешено колотящееся сердечко и не позволит ему гулко барабанить в ребра. У звуков есть неприятная способность отдаваться эхом за пределами тела. А третья хитрость — хоть и далеко не последняя — это держать свой взгляд опущенным. Ни в коем случае нельзя глядеть на того, кто за тобою рыскает. Лиса, возможно, и не увидит кролика — но непременно почувствует его взгляд. Это все равно как похлопать своего преследователя по плечу.

Сэйди Томпсон притаилась, скрючившись за густым переплетением лиан жимолости, что обвивала толстый пень упавшего дуба. Сердце у нее отчаянно билось, с такой силой колотя в грудную клетку, что девушке никак не удавалось отдышаться. Она сейчас совсем была не в фор-

ме, и небольшая, всего в милю, пробежка по лесу от брошенного на дороге старого грузовичка неожиданно отняла у Сэйди чуть ли не все силы. Год назад она бы пролетела эту милю, точно лань, — вдвое быстрее и даже не вспотев.

На горы Голубого хребта опустилась ночная тьма, отбрасывая на землю чернильно-черный мрак. Если какой-то слабый лунный свет и просачивался сквозь тяжелые дождевые тучи, он полностью терялся в плотном сплетении древесных крон.

Невдалеке проухала сова. Олень, встревоженный нежеланным появлением человека, бросился бежать в глубину леса.

Почти полное отсутствие видимости вполне устраивало Сэйди. Она привыкла ходить здесь в ночное время и была хорошо знакома со всеми горами и впадинами округа Нельсон. Отец научил Сэйди и ее старших братьев пробираться узкими лесными дорогами, где едва могла протиснуться машина. Может, это было и нелегко, но для тайных самогонщиков, что сильно не в ладах с законом, это были наилучшие маршруты. Папа заставлял их запоминать каждый изгиб, каждую ухабину потайной дороги, ходить старыми индейскими тропами, там и сям пересекавшими склоны гор. Он же показал им и тихие, уединенные пещеры, наиболее подходящие для перегона браги. Сэйди и ее домашние знали все пути и выходы в этой части штата Вирджиния, и здесь они могли бы скрываться вечно. Если бы им это, конечно же, понадобилось.

Сэйди прижалась лицом к прошлогодним прелым листьям и воспользовалась моментом затишья, чтобы перевести дух и унять в себе панику, заставившую ее ринуться бежать в глухую ночь.

Где-то рядом лениво стрекотали сверчки, через руку переползал паук, но Сэйди ни на миг не отвлекалась на эти мелочи. Перед ней сейчас стояла куда как большая проблема.

С час назад к дому, где жили Сэйди с матерью, подъехал шериф Курт Бойд, скорее всего, намеревавшийся арестовать девушку за покушение на убийство — а может быть, даже и за убийство, если тот тип так и не оклемаля. Сэйди ни капли не раскаивалась в том, что сделала, — хотя сейчас уже жалела, что не свершила свою месть как-то поумнее и понаходчивее.

Она сбежала из родного дома, не имея времени даже собрать сумку или поцеловать свое спящее в колыбельке дитя. Тихонько добежав до грузовика, она воткнула нейтральную передачу и бесшумно скатилась со склона холма. Лишь оказавшись внизу, Сэйди завела двигатель. Но шериф, судя по всему, услышал рычание проснувшегося мотора и устремился за ней. Сэйди уехала так далеко, насколько позволил радиатор ее старенького грузовика, пока наконец он не вскипел, не оставив ей ни малейшей возможности по-быстрому все починить.

Едва послышался приближающийся рев мотора «Доджа» шерифа, Сэйди, энергично размахивая руками, устремилась в заросли кустарника, чувствуя, как грубые рабочие ботинки натирают ее опухшие ноги. У нее была мысль перейти склон старой индейской тропой — однако Бойд уже знаком был с этим фокусом и мог запросто объехать гору кругом и встретить девушку с другой стороны. Так что у Сэйди не оставалось иного выбора, кроме как хорошенько затаиться и ждать.

Она подождет, пока Бойд уедет, а потом, быть может, обходными путями вернется к своему грузовичку посмотреть, достаточно ли остыл мотор, чтобы запуститься снова. В планах у нее было добраться до Шарлоттсвилля, там сесть на поезд и уехать как можно дальше от Блюстоуна.

Лежа на земле за кустами, она различила далекий рокот двигателя и вскоре уже узнала по звуку знакомый «Додж», что медленно приближался к ней по ночной

дороге. Сэйди чувствовала, что шериф уже близко. Возможно, Бойд был и не самым умным человеком, но он не хуже ее знал и индейские тропы, и бывшие дорожки горняков, и укромные места, где можно спрятаться.

Пару секунд спустя на дороге засветились фары. Сэйди еще глубже вжалась животом во влажную землю, и ее нежная грудь, еще полная молока, туго уперлась в самодельную рубаху. К счастью, Сэйди была очень любопытной и вовремя украдкой выглянула из укрытия: она увидела, как упитанная фигура шерифа скользнула перед горящими фарами.

Он остановился, широко расставив ноги и держа свою мясистую правую ладонь на ремне. Сэйди не видела его лица, но догадывалась, что Бойд сердито хмурится. Шериф всегда считал, что мыслящему человеку ни к чему улыбаться или много говорить. И для него это было очень даже кстати, поскольку когда он открывал рот, то ничего стоящего сказать не мог.

Темную глубину леса прорезал луч фонарика, пройдя всего в паре футов над Сэйди.

«Тупой, как ящик булыжников», — смешливо отзывался о шерифе ее брат Джонни. А другой брат, Дэнни, ухмылялся: «Да я его в свой самый неудачный день легко вокруг пальца обведу».

При воспоминании о Джонни с Дэнни у Сэйди защемило горло от глубокой тоски, которая, казалось, теперь будет точить ее беспрестанно. Господи, как же она по ним обоим соскучилась!

«Не думай обо мне, — зазвучал в ее сознании голос Джонни. — Лучше остерегайся шерифа». «Это точно, — поддакнул ему Дэнни. — Может, он и тупой, но подлый и гнусный. А даже сломанные часы дважды в день показывают верное время».

Совет был очень здравым. И своевременным. О братьях и о дочери она будет тревожиться потом, когда сама

окажется в безопасности. А теперь ей требовалось сосредоточиться на шерифе.

Недостаток ума этот представитель закона с успехом восполнял исключительными навыками выслеживания. Этот человек был просто прирожденной ищейкой. Когда из какой-нибудь тюрьмы в радиусе двадцати пяти миль сбегал заключенный, власти штата призывали на помощь именно Бойда. Даже фермеры к нему обращались, когда какой-нибудь койот резал их домашний скот. А в пору выборов шериф, как правило, вынюхивал в округе массу нелегальных самогонных аппаратов, дабы ублажить местных святош.

Отец Сэйди никогда не принимал на личный счет, когда Бойд являлся к нему за самогонным аппаратом. Шериф по долгу службы должен был их искать и изымать, а заботой отца было их как следует прятать. Всем им надо было как-то выживать. Однако, по мнению Сэйди, в Бойде сидела этакая мелочная гадливая жилка. Когда найденных им арестантов водворяли обратно в камеру, говорят, под глазом у них темнел фонарь, а то и под обоими. В спасенном от койота стаде вечно недосчитывались хоть одной коровы. А когда он молотил тяжелой битой по самогонному аппарату, то насвистывал веселую мелодию.

Ботинки Бойда прощуршали по мягкой земле и листьям в каких-то двадцати шагах от девушки.

— Сэйди! Я знаю, детка, что ты где-то там. Братцы твои тоже всегда там прятались. Давай-ка выходи, облегчи себе участь. Я ничего тебе не сделаю.

Когда Сэйди была маленькой, они с братьями часто играли здесь, в ложбине, в «кролика и лис». Она неизменно была «кроликом», потому что была среди них самой маленькой — но еще и потому, что, как никто, умела забираться в самые укромные, неприметные места и подолгу сидеть там тихо и неподвижно, слыша, как смех братьев постепенно сменяется разочарованием и доса-